

Н. С. Ефремова

**КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ:
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ, ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ***

УДК 903(470.5+57)

ББК 63.4 - 427

Древние святилища как вид археологических источников открыты и в большей или меньшей степени исследованы на территории практически всех регионов России. Особенности обнаруженных на ритуальных комплексах артефактов позволяют дифференцировать данные памятники по их принадлежности к различным культовым практикам: погребально-поминальной, производственной, общинной и др. Отнесение культового объекта к определенному типу святилищ обуславливается рядом признаков, присущих данному типу культовых объектов. Производственные святилища, служившие отправлению культов, призванных воздействовать на окружающий мир с целью обеспечения благосостояния общества, можно разделить на несколько видов в зависимости от формы ведения хозяйства. К ним относятся промысловые ритуальные комплексы (они имели место у народов, хозяйство которых базировалось на присваивающих формах деятельности — охоте и рыболовстве, а позднее и на производящих — скотоводстве, земледелии); святилища, связанные с бронзолитейным производством. Поселенческие (общинные) культовые комплексы представляют собой остатки сооружений-святилищ на поселениях либо близ них. Этот тип святилищ включает и родовые культовые комплексы, также существовавшие на территории Северной Азии в широком пространственно-временном диапазоне. Погребальные культовые комплексы объединены по территориальному признаку, поскольку чаще всего локализованы на некрополе. Примерами подобных объектов могут служить располагающиеся на территории могильников погребально-поминальные комплексы, расположение, архитектура и специфический набор находок которых свидетельствуют о существовании особых верований и культов, связанных именно с погребальной обрядностью. Несмотря на перечисленные отличия, у всех типов культовых комплексов прослеживаются общие черты (обособленность сакрализованного пространства, присутствие остатков жертвоприношений, свидетельства ритуалов), а сами ритуалы могли быть полифункциональными.

Ключевые слова: *культовые ритуальные комплексы, святилища, культовые практики, ритуалы, обряды, Северная Азия*

Археологические исследования свидетельствуют о том, что, наряду с погребальными и поселенческими памятниками, петроглифами и каменными изваяниями, до нас дошли объекты, непосредственно связанные с духовной жизнью древних обществ, — культовые сооружения-святилища, сохранившие следы ритуалов разной направленности. Отличающиеся друг от друга по архитектуре, расположению на местности и уникальному набору артефактов культовые комплексы можно на основании детально проанализированного материала разделить на группы святилищ, связанные с различными культовыми практиками чело-

века. В последние годы в научной литературе значительно возрос интерес к древним культовым памятникам. Древние святилища как вид археологических источников открыты и в большей или меньшей степени исследованы на территории практически всех регионов России — в Якутии,¹ Забайкалье,² Приамурье,³ на Урале⁴ и Горном Алтае.⁵ Особенности обнаруживаемых на культовых комплексах артефактов позволяют дифференцировать данные

¹ См.: Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск, 1994.

² См.: Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск, 1989; Он же. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 1994.

³ См.: Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск, 1994.

⁴ См.: Бадер О. Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. 1954. Вып. 21. С. 241–258; Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.

⁵ См.: Молодин В. И., Ефремова Н. С. Грот Куйлю — культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск, 2010; Древние и современные культовые места Алтая: сб. ст.

Ефремова Наталья Сергеевна — к.и.н., н.с., Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: ens77@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (рук. А. П. Деревянко)

памятники по их принадлежности к различным культовым практикам: общинной, производственной, погребально-поминальной и др. Собственно святилище же, по определению А. В. Тиваненко, представляет собой «комплекс почитаемых объектов с едиными территориальными границами, на которых совершались ритуальные действия в честь духов местности (у петроглифов), умерших предков (на могильнике), покровителей семейно-родовой общины (в жилище и на поселении)».⁶ Все стороны жизни любого древнего общества были в большей или меньшей степени сакрализованы. Согласно мировоззрению древних, все сферы взаимодействия с миром духов-покровителей, предков или богов являлись равнозначно важными, поскольку разными путями обеспечивали существование, выживание и благоденствие общества.

Следы духовной культуры прослеживаются в материальных остатках любой археологической общности, но более всего, несомненно, в памятниках сакрального характера. Отправление культов, связанных с той или иной сферой жизнедеятельности человека, требовало дифференциации подобных объектов с учетом специфики того или иного ритуала и его функциональной направленности. В настоящее время можно говорить о существовании таких типов культовых комплексов, как производственные, поселенческие (общинные) и погребальные. Отнесение культового объекта к определенному типу святилищ обуславливается рядом признаков, присущих в разных сочетаниях данному типу культовых объектов вне зависимости от территориально-хронологического аспекта.

Производственные святилища, служившие отправлению культов, призванных воздействовать на окружающий мир с целью обеспечения благосостояния общества, можно разделить на несколько видов в зависимости от формы ведения хозяйства. К ним относятся в первую очередь промысловые ритуальные комплексы, которые, насколько можно судить по накопленному исследователями материалу, имели место преимущественно у этносов, чья жизнедеятельность базировалась на присваивающих формах ведения хозяйства, в частности на охоте и рыболовстве, а позднее и на производящих — скотоводстве и земледелии.

Святилищами могли являться неординарные природно-ландшафтные объекты, скалы с петроглифами, писаницы-жертвенники, почитаемые места обитания духов-хозяев местности (см. цв. вклейку). На настоящий момент во всех регионах Северной Азии — от Урала до Якутии — известно большое количество подобных святилищ и накоплена значительная источниковая база.⁷ Функциональная направленность культовых комплексов этого типа двойственна: ритуалы были призваны обеспечить, с одной стороны, охотничью удачу, с другой — воспроизводство промысловых видов животных.

К числу сакральных археологических объектов можно отнести и святилища, функциональная направленность которых сопряжена с отправлением производственных ритуалов, в частности относящихся к бронзолитейному производству. Их отличительной особенностью является наличие остатков специфических печей/очагов и следов плавки металла: тиглей, сплесков, технической керамики. Подобные святилища могли существовать обособленно, как, например, жертвенное место Хутор Бор-1 в Омской области,⁸ либо в комплексе с другим памятником — поселением, могильником или ритуальным объектом. Так, в последние десятилетия на площади Гляденовского костыща на Урале, представляющего собой святилище эпохи раннего железа, были выявлены своеобразные хозяйственные комплексы, связанные, по мнению исследователей, с производством металлических культовых предметов, в изобилии обнаруженных на костыще.⁹ В Среднем Зауралье, где промысловые святилища распространены достаточно широко, с конца XIX в. были известны жертвенные места (так называемые Каменные палатки), расположенные на вершинах

⁷ См., напр.: Потемкина Т. М. Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. С. 11–35; Она же. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург–Сургут, 2007. С. 197–223.

⁸ См.: Труфанов А. Я. Жертвенное место Хутор Бор-1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 63–76.

⁹ См.: Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. История изучения костыщ гляденовской культуры // Обнинские чтения: материалы VI–VII регион. археол. конф. (19 мая 2004 г., 24 мая 2005 г.). Пермь, 2006. Вып. 4. С. 8–9; Чуйкина Е. В., Шатунов С. В. Археологические исследования А. В. Шмидта в окрестностях Усть-Качки в 1924 г. (по архивным документам) // Там же. С. 152–153.

⁶ Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня... С. 5.

гранитных останцев. Обнаруженные на них коллекции находок, помимо керамического и остеологического материала, а также бронзовых антропо- и зооморфных изображений, включали шлаки, фрагменты медной руды, слитки металла и литейные формы. Святилище не обязательно имело узкую специализацию. На уральском культовом месте, расположенном на горе Голый Камень, находки, связанные с литьем металла (кусочки руды, тигли, ошлакованная керамика и глина, украшения из металла), составляли лишь один из шести комплексов артефактов (наряду с предметами для высекания огня, соляными символами и т. д.).¹⁰ Феномен «металлургической» специализации культовых мест сохраняется до средневековья. Так, на священной для хантов Еутской Горе обнаружены два культовых объекта, содержащих обугленный олений рог, скопление крупных галек, зубы мамонта, причем приклады были расположены на остатках железообрабатывающего комплекса XV–XVI вв.¹¹ Специфический ряд сходных находок и артефактов позволил исследователям еще в середине XX в. связывать подобные культовые комплексы с бронзолитейным производством.¹²

В древности отсутствие знаний о сущности металлургических процессов и наблюдения за ходом «чудесного» превращения руды в металл обусловили почитание производства бронзы как действия с участием сверхъестественных сил.¹³ Подобная интерпретация объясняет и наличие остатков жертвоприношений на местах древней металлообработки, и, возможно, локализацию таких мест на памятниках культовой направленности (святилищах, могильниках), в ряде случаев предшествующих эпох.

Поселенческие (общинные) культовые комплексы, как правило, представляют собой остатки сооружений-святилищ на поселениях либо близ них. При этом сакральные объекты

могли располагаться автономно, как, например, на сузгунском поселении Чудская гора в Прииртышье,¹⁴ либо являться частью жилого помещения. Святилища этого типа включают и родовые культовые комплексы, также существовавшие на территории Северной Азии в широком пространственно-временном диапазоне, которые хорошо известны в литературе. Моления у родовой горы, проводившиеся большими коллективами, или обряды, аналогичные медвежьим праздникам современных северных народов, в конечном итоге, также были призваны обеспечить благополучие членов рода.

Погребальные культовые комплексы объединены в этот тип по территориальному признаку, поскольку чаще всего локализованы на некрополе. Примером подобных объектов могут являться располагающиеся на территории могильников погребально-поминальные комплексы, планиграфия и специфический набор артефактов которых свидетельствуют о существовании особых верований и культов, связанных именно с погребальной обрядностью. Анализ артефактов и архитектурных особенностей этих комплексов позволяет предположить двойственный характер проводившихся на некрополях обрядов: с одной стороны, это культ предков, ритуалы которого призваны обеспечить оптимальный переход умершего в потусторонний мир и заручиться его поддержкой; с другой стороны, эти ритуалы должны защитить живых от влияния потустороннего мира и от возможного вреда, исходящего от умершего. Так, в ритуальном комплексе ирменской культуры с памятника Сопка-2 наличие керамических сосудов свидетельствует о проводившихся поминальных обрядах, где пища, возможно, вместе с сосудом помещалась на площади комплекса. Окружающий центральные ямы ров, по-видимому, играл роль охранительного круга, разграничивающего сакральное пространство. В целом, к ритуальным объектам на территории некрополей относят специальные площадки или ямы со скоплениями костей животных и следами огня, с отдельными сосудами и предметами, связывая их с поминально-жертвенными обрядами.¹⁵

¹⁰ См.: Сериков Ю. Б. Об использовании уральских пещер в древности (к вопросу о соотношении производственно-бытовых и культовых комплексов) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2007. Вып. 3. С. 129.

¹¹ См.: Семенов В. А. Некоторые археологические данные о культовом почитании мест, связанных с металлургическим производством у хантов в начале II тыс. н. э. // Мироззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: тез. докл. Томск, 1985. С. 133–134.

¹² См.: Сальников К. В. В глубине веков: очерки о жизни первобытного населения Урала. Свердловск, 1949. С. 92–94.

¹³ См.: Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала // Тр. ГИМ. М., 1940. Вып. 10. С. 14

¹⁴ См.: Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995. С. 99.

¹⁵ См.: Шелепова Е. В. Теоретические аспекты изучения памятников культовой деятельности Алтая // Древние и современные культовые места Алтая. С. 107.

У всех типов культовых комплексов прослеживаются общие черты, а сами ритуалы могли быть полифункциональными, поскольку обряд — это всегда обращение к высшим силам. Отмечался синкретизм в отправлении культов (например, культ предков мог включать моление об удачной охоте; культ духов-хозяев гор, пещер мог включать культ плодородия, испрашивание детей и т. д.). В отсутствие письменности моление могло быть визуализировано в виде пиктограммы (петроглифы, рисунки на кости, роге, несохранившемся дереве; сюжетная орнаментация сосудов). Существует также точка зрения на бронзовое культовое литье как на возможный аналог петроглифических изображений в иной ландшафтной среде (в условиях отсутствия горных выходов).¹⁶

Следы жертвоприношений на культовых комплексах проявляют себя прежде всего наличием керамических сосудов (целых либо преднамеренно уничтоженных на святилище), причем играет роль орнаментация и даже положение сосуда в ритуальном комплексе (по данным этнографии, перевернутый вверх дном сосуд предназначался обитателям иного мира). Отличительной особенностью керамики с культовых комплексов является ее количество, которое, как правило, гораздо больше, чем количество керамики с поселенческих комплексов. Примером может служить обилие керамики в некоторых объектах на поселении Чудская гора (тысячи фрагментов, преимущественно в скоплениях; обнаружение в одной из построек 23 археологически целых сосудов и 44 миниатюрных сосудиков и т. д.).¹⁷ О жертвоприношении свидетельствуют и кости животных, где специфичность набора (черепа, кости конечностей), локализация на памятнике, а также степень утилизации (целые или расколотые) могут говорить о их принадлежности к ритуальным действиям.

Иногда контекст обнаружения костей человека позволяет трактовать их как остатки жертвоприношения. Подобные находки встречаются во всех рассматриваемых в статье типах культовых комплексов. Важную роль в их интерпретации играет неординарность расположения антропологических остатков, степень

их цельности и сохранности, сопроводительный инвентарь. Так, помещение погребения на родовом святилище может свидетельствовать не только о принесении человека в жертву, но и о его специфическом социальном статусе (возможно, это захоронение служителя культа). Достаточно известен в связи с этим памятник Поворот п. III в Забайкалье, где оригинальное погребение человека располагалось у скальной стенки с рисунками в слое, содержащем керамику, очаги, каменные и бронзовые артефакты.¹⁸ Случаи обнаружения разрозненных костей человека у скал с петроглифами в большом количестве имеют место в Забайкалье, Приамурье и Якутии, на Алтае.¹⁹ По мнению А. И. Мазины, человеческие жертвоприношения появляются в конце неолита — начале эпохи бронзы. Все они являются жертвоприношениями скалам с рисунками.²⁰ Видимо, неоднозначную интерпретацию следует давать также костям человека, погребенным в пещерах. Подобные находки встречаются практически во всех горных районах, в частности на Урале. Так, в Уньинской пещере обнаружены три фаланги пальцев и девять зубов человека, принадлежавших, как минимум, двум особям. Исследователи считают находки свидетельством исчезнувшего обряда человеческих жертвоприношений, существовавшего у многих народов в древности. О существовании подобных ритуалов говорилось, например, в легендах манси. Так, для удачи в поиске клада нужно было отрезать у мальчика и девочки конец пальца и идти по кровавому следу, ведущему к заветной цели.²¹ На жертвенном месте Голый Камень кости человека со следами воздействия огня найдены на вершине горы в комплексе с керамикой, остеологическими остатками диких и домашних животных, бронзовой стрелой и глиняным украшением.²² В Тоболо-Иртышском междуречье на святилищах Слободчики 1 и Савин 1 отмечено три ритуальных захоронения людей. Пять случаев нахождения человеческих останков в культовой части городища зафиксировано на

¹⁶ См., напр.: Бобров В. В. Петроглифы Сибири и кулайская металлопластика // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция: материалы темат. науч. конф. 1–4 декабря 2004 г. СПб., 2004. С. 309–313.

¹⁷ См.: Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Указ. соч. С. 80–81.

¹⁸ См.: Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л., 1970. Ч. 2. С. 56–58.

¹⁹ См.: Ефремова Н. С. Антропологические материалы на святилище Кучерла-1 (Куйлю): Проблемы интерпретации // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. Новосибирск, 2009. Т. 8, вып. 5. С. 132–137.

²⁰ См.: Мазин А. И. Указ. соч. С. 74–75.

²¹ См.: Канивец В. И. Канинская пещера. М., 1964. С. 130–131.

²² См.: Бадер О. Н. Археологические памятники Тагильского края // Учен. зап. Молотов. ун-та. 1953. Т. 8. вып. 2. С. 337.

памятнике Чудская гора в Омской области.²³ В ирменской культуре находятся свидетельства о возможном существовании культа умерших. Об этом может говорить обнаружение в жилище поселенческого комплекса Красный Яр I компактно расположенных костей человека, по мнению А. В. Матвеева, помещенных в мешок, застегивавшийся костяной пуговицей, который лежал в жилище либо висел на стене.²⁴

Жертвоприношения людей имели место в погребальных обрядах некоторых народов. Так, во время похорон могли приносить в жертву жен (невольниц) и рабов (слуг), чтобы они и в потустороннем мире могли выполнять свои функции.²⁵ О том, что кости человека являются не погребением, а следами жертвоприношения, могут свидетельствовать особенности их локализации в могиле, фрагментарность костей, наличие следов преднамеренного убийства. Одним из вариантов такого обряда можно считать обнаружение костей человека очень плохой сохранности в одной из ям в культовом комплексе той же ирменской культуры на могильнике Сопка-2. В этом случае антропологические остатки связываются либо с погребально-поминальными ритуалами, либо с культом предков в целом.²⁶

Критерием отнесения памятника к разряду культовых является и специфический набор артефактов (оружие, наконечники стрел, копий), орнаментированные астрагалы, камни, антропо- и зооморфные изображения. Так, например, астрагалы, довольно часто встречающиеся в погребениях и на культовых местах, могли являться как инструментом для гадания, так и эквивалентом животного, вместилищем его души, обреченной возродиться вновь в потустороннем мире (если они помещены в могилу) либо в мире реальном (если такие находки обнаружены на ритуальных комплексах) или могли быть использованы в обрядах. Подобная интерпретация находит параллели в данных этнографии.²⁷

Для производственных культовых комплексов характерно также наличие заготовок изделий (например, наконечников стрел), изготовлявшихся непосредственно на святилище либо преднамеренно не завершенных, о чем свидетельствует наличие как самих заготовок, так и отходов производственного процесса: роговой щепы, каменных отщепов и т. д. Более чем вероятно то, что изготовление охотничьего оружия на культовом месте имело прежде всего ритуальное значение, т. е., возможно, совсем не ставилась задача пополнения охотничьего снаряжения.²⁸ Что же касается собственно наконечников стрел, то данная категория находок, наряду с керамикой, в больших количествах отмечена на культовых местах, прежде всего в материалах уральских пещерных святилищ.²⁹

Еще один критерий культовых комплексов — следы использования огня (прокалы, очаги, следы сгоревших деревянных конструкций). Поскольку на святилищах всех типов обряд, как правило, включает жертвоприношение, огонь используется в качестве канала передачи, когда жертва просто сжигается, либо для приготовления жертвенных даров.

От статуса святилища могли зависеть особенности его местоположения: если родовые святилища, связанные с природными объектами, как правило, располагались на удаленных, труднодоступных участках (как, например, у современных северных народов, у которых местоположение ритуального комплекса известно ограниченному кругу лиц, либо как на Урале, где писаницы-жертвенники устраивались в тайге или на вершинах гор), то священные горы (Алтай, Тува) были видны издалека и известны всем, хотя допуск к ним также мог быть регламентирован по полу, возрасту или степени родства членов коллектива.

И, наконец, многие святилища функционировали в течение столетий: на одном и том же культовом месте обнаруживаются следы

²³ См.: Потемкина Т. М. Святилища эпохи энеолита и бронзового века Тоболо-Иртышья (сравнительный анализ) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: сб. докл. междунар. конф. Красноярск, 2005. С. 50, 52.

²⁴ См.: Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. С. 73.

²⁵ См.: Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 244.

²⁶ См.: Молодин В. И., Ефремова Н. С. Ритуальный комплекс ирменской культуры: семантические реконструкции (по материалам могильника Сопка-2) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. Новосибирск, 2015. С. 71–77.

²⁷ См.: Молодин В. И., Ефремова Н. С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии,

антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 4. С. 300–309; Молодин В. И. Могильник Сопка-2 на р. Оми. Новосибирск, 2012. Т. 3. С. 173.

²⁸ См.: Молодин В. И., Ефремова Н. С. Грот Куйлю... С. 82, 84.

²⁹ См.: Сериков Ю. Б. Камень Дыроватый — уникальное пещерное святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) // РА. 1996. № 4. С. 121–140; Он же. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003. С. 73–82; Он же. Культовые пещеры р. Чусовой // Культовые памятники горно-лесного Урала. С. 38–62; Он же. Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил, 2005.

разных археологических культур. Такая длительность существования культовых комплексов могла быть обусловлена преемственностью идеологических воззрений населения либо приемлемой интерпретацией старых символов с учетом новых или изменившихся условий.

Несмотря на указанные выше критерии, нужно отдавать себе отчет в сложности интерпретации археологического объекта как культового. И если в отношении писаниц-жертвенников сомнений в подобной трактовке почти не остается, то при интерпретации объектов с территории поселений доля скептицизма еще достаточно велика. Возможно, улучшить ситуацию сможет разработка в научных кругах набора четких дефиниций, позволяющих наиболее точно охарактеризовать исследуемый объект именно как культовый.

Natalia S. Efremova

Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: ens77@mail.ru

RIITUAL COMPLEXES OF NORTHERN EURASIA: PRODUCTION, SETTLEMENT, AND BURIAL

Ancient sacred places as a type of archeological source have been discovered and to a larger or smaller extent researched throughout the territory of all regions of Russia. Specific features of the artifacts found in the ritual complexes made it possible to differentiate these sites by their association with different religious practices: burial-memorial, production, community, etc. Association of a ritual site with a particular type of sacred places was based on a number of attribute characteristics for a given type of ritual sites. Production sacred places, which served for religious rites performance meant to influence the environment in order to secure wellbeing of the community, may be further subdivided into several groups depending on the type of economy. This group included harvesting ritual complexes (they were common among peoples practicing appropriation economy — hunting and fishing, and later also the production economy — cattle breeding and farming); and sacred places related to bronze casting production sites. Settlement (community) ritual complexes were, as a rule, the remains of sacred place structures at the settlements or near them. This type of a sacred place included also the clan ritual complexes, which also existed in the territory of Northern Asia in a wide spatial and temporal range. Burial ritual complexes were united territorially, since most often they were localized at the necropolises. Examples of such sites were the burial-memorial complexes found in the territory of burial sites, the location, architecture, and the specific set of finds of which pointed to the existence of special beliefs and rituals related specifically to the burial rites. Despite the aforementioned differences all types of ritual complexes shared some common features, and the rituals themselves could well have been polyfunctional.

Keywords: *cult ritual complexes, sanctuaries, cult practices, rituals, rites, North Asia*

REFERENCES

Bader O. N. *Arkheologicheskie pamyatniki Tagilyskogo kraja* [Archaeological monuments of the Tagil region]. *Uchenye zapiski Molotovskogo universiteta* [Scientific notes of Molotovskiy university], 1953, no. 2, vol. 8, pp. 311–364. (in Russ.).

Тем не менее, культовые комплексы, т. е. памятники, сочетающие в себе следы материальной и духовной культуры, независимо от своей функциональной направленности, являются незаменимым источником, позволяющим воссоздать мировоззрение людей прошлого. Существование ритуальных центров характерно для каждой исторической эпохи, начиная с каменного века и заканчивая этнографическим временем. Ритуалы, отправлявшиеся на культовых местах, реализовали одну из основных социальных функций коллектива — производственно-экономическую, главной задачей которой являлось обеспечение выживания социума.³⁰ В заключение следует отметить, что накопленный большой фактологический материал по культовым комплексам, локализованным на территории Северной Азии, требует дальнейшего осмысления и интерпретации.

³⁰ См.: Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 16–17.

Bader O. N. *Zhertvennoe mesto pod Pisanyim kamnem na r. Vishere* [The sacrificial place under the Handwritten stone on the Vishera River]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1954, no. 21, pp. 241–258. (in Russ.).

Bobrov V. V. *Petroglify Sibiri i kulayskaya metalloplastika* [Petroglyphs of Siberia and kulaysky metalloplastic]. *Izobrazitelnyye pamyatniki: stily, epokha, kompozitsii. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii 1–4 dekabrya 2004 g.* [Graphic monuments: style, era, compositions. Materials of thematic scientific conference on December 1–4, 2004.] St. Petersburg, 2004, pp. 309–313. (in Russ.).

Chuykina Ye. V., Shatunov S. V. *Arkheologicheskie issledovaniya A. V. Shmidta v okrestnostyakh Usty-Kachki v 1924 g. (po arkhivnym dokumentam)* [Archaeological researches of A. V. Schmidt in the neighborhood of Ust-Kachki in 1924 (according to archival documents)]. *Oborinskie chteniya. Mat-ly VI–VII regionalnykh arkheologicheskikh konferentsiy* [Oborinsky readings. Materials of the 6–7th regional archaeological conferences], 2006, no. 4, pp. 148–158. (in Russ.).

Drevnie i sovremennyye kulytovyye mesta Altaya: sbornik statey [Ancient and modern cult places of Altai: collection of articles]. Barnaul: OOO “Pechatnaya kompaniya ARTIKA” Publ., 2011. 124 p. (in Russ.).

Eding D. N. *Reznaya skulptura Urala* [Carved sculpture of the Urals]. *Trudy GIM* [Works GIM], 1940, no. 10, pp. 1–104. (in Russ.).

Efremova N. S. *Antropologicheskie materialy na svyatilishche Kucherla-1 (Kuylyu): Problemy interpretatsii* [Anthropological materials on a sanctuary of Kucherla-1 (Kuylyu): problems of interpretation]. *Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya*, 2009, no. 5, vol. 8, pp. 132–137. (in Russ.).

Kanivets V. I. *Kaninskaya peshchera* [Kanin cave]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 136 p. (in Russ.).

Kochmar N. N. *Pisanitsy Yakutii* [Pisanitsa of Yakutia]. Novosibirsk: IAET SO RAS Publ., 1994. 264 p. (in Russ.).

Kulytovyye pamyatniki gorno-lesnogo Urala [Cult monuments of the mountain and forest Urals]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2004. 430 p. (in Russ.).

Lepikhin A. N., Melynichuk A. F. *Istoriya izucheniya kostishch glyadenovskoy kulytury* [The history of studying of bones of the glyadenovsky culture]. *Oborinskie chteniya. Materialy VI–VII regionalnaya arkheologicheskaya konferentsiya (19 maya 2004 g., 24 maya 2005 g.)* [Oborinsky readings. Materials of the 6–7th regional archaeological conference (on May 19, 2004, on May 24, 2005)], 2006, no. 4, pp. 3–11. (in Russ.).

Matveev A. V. *Irmenskaya kulytura v lesostepnom Priobye* [Irmensky culture in forest-steppe Priobye]. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. Uni. Publ., 1993. 181 p. (in Russ.).

Mazin A. I. *Drevnie svyatilishcha Priamuryya* [Ancient sanctuaries of Amur River region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994. 102 p. (in Russ.).

Molodin V. I. *Mogilynik Sopka-2 na r. Omi* [Burial ground the Hill-2 on the Om River]. Novosibirsk: IAET SO RAS Publ., 2012. Vol. 3. 220 p. (in Russ.).

Molodin V. I., Yefremova N. S. *Grot Kuylyu — kulytovyy kompleks na reke Kucherle (Gornyy Altay)* [Grotto to Kuyly — a cult complex on the river Kucherle (Mountain Altai)]. Novosibirsk: IAET SO RAS Publ., 2010. 264 p. (in Russ.).

Molodin V. I., Yefremova N. S. *Kollektsiya astragalov svyatilishcha Kucherla-1* [Collection of astragal of a sanctuary Kucherla-1]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk: IAET SO RAS Publ., 1998. Vol. 4, pp. 300–309. (in Russ.).

Molodin V. I., Yefremova N. S. *Ritualnyy kompleks irmenskoy kulytury: semanticheskie rekonstruktsii (po materialam mogilynika Sopka-2)* [Ritual complex of irmensky culture: semantic reconstruction (on burial ground materials the Hill-2)]. *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoy Sibiri i na sopredelnykh territoriyakh* [Archaeological researches in Western Siberia and in neighboring territories]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU Publ., 2015, pp. 71–77. (in Russ.).

Okladnikov A. P., Zaporozhskaya V. D. *Petroglify Zabaykalya* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Leningrad: Nauka Publ., 1970. Vol. 2. 264 p. (in Russ.).

Potemkina T. M. *Drevnie svyatilishcha kak istochnik issledovaniya mirovozzrencheskikh traditsiy (po materialam Oby-Irtysheya)* [Ancient sanctuaries as a source of a research of world views traditions (on materials Ob-Irtysheya)]. *Mif, obryad i ritualnyy predmet v drevnosti* [Myth, ceremony and ritual subject in the ancient time]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan Publ., 2007, pp. 197–223. (in Russ.).

Potemkina T. M. *Megaliticheskie sooruzheniya Urala: struktura sakralnogo prostranstva* [Megalithic constructions of the Urals: structure of the sacral space]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2011, no. 2, pp. 11–35. (in Russ.).

Potemkina T. M. *Svyatilishcha epokhi eneolita i bronzovogo veka Tobolo-Irtysheya (sравnitelnyy analiz)* [Sanctuaries of an era of an Eneolit and Bronze age of Tobolo-Irtysheya (comparative analysis)]. *Arkheologiya*

Yuzhnoy Sibiri: idei, metody, otkrytiya. Sb. dokl. mezhdunar. konf. [Archaeology of Southern Siberia: ideas, methods, opening. Collection of reports of the international conference]. Krasnoyarsk: RIO KGPU Publ., 2005, pp. 50–52. (in Russ.).

Potemkina T. M., Korochkova O. N., Stefanov V. I. *Lesnoe Tobolo-Irtyshe v kontse epokhi bronzy* [Forest Tobolo-Irtyshe at the end of the Bronze age]. Moscow: PAIMS Publ., 1995. 152 p. (in Russ.).

Salynikov K. V. *V glubine vekov: ocherki o zhizni pervobytnogo naseleniya Urala* [In the depth of centuries: issues about life of the primitive population of the Urals]. Sverdlovsk: Gos. izd-vo Publ., 1949. 107 p. (in Russ.).

Semenov V. A. *Nekotorye arkhologicheskie dannye o kulytovom pochitanii mest, svyazannykh s metallurgicheskim proizvodstvom u khandov v nachale II tys. n. e.* [Some archaeological data on cult honoring of the places connected with metallurgical production at Khanty at the beginning of the 2nd millennium AD]. *Mirovozzrenie narodov Zapadnoy Sibiri po arkhologicheskim i etnograficheskim dannym* [World view of the people of Western Siberia according to archaeological and ethnographic data]. Tomsk: TGU Publ., 1985, pp. 133–134. (in Russ.).

Serikov Yu. B. *Kameny Dyrovatyy — unikalnoye peshchernoe svyatilishche na r. Chusovoy (pervye rezulytaty issledovaniy)* [Dyrovaty Stone — a unique cave sanctuary on the Chusovaya river (the first results of researches)]. *Rossiyskaya arkhologiya*, 1996, no. 4, pp. 121–140. (in Russ.).

Serikov Yu. B. *Kulytovye peshchery r. Chusovoy* [Cult caves of Chusovaya river]. *Kulytovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala* [Cult monuments of the mountain and forest Urals]. Ekaterinburg, 2004, pp. 38–62. (in Russ.).

Serikov Yu. B. *Ob ispol'zovanii ural'skikh peshcher v drevnosti (k voprosu o sootnoshenii proizvodstvenno-bytovykh i kulytovykh kompleksov)* [About use of the Ural caves in the ancient time (to a question of a ratio of production and household and cult complexes)]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumeny: Vektor Buk Publ., 2007, Vol. 3, pp. 128–132. (in Russ.).

Serikov Yu. B. *Ornamentirovannyye nakonechniki strel epokhi mezolita s peshchernogo svyatilishcha na Kamne Dyrovatom (r. Chusovaya)* [The ornamented arrowheads of an era of Mesolith from the cave sanctuary on Dyrovaty Stone (Chusovaya river)]. *Obrazy i sakralnoye prostranstvo drevnikh epoch* [Images and sacral space of ancient eras]. Ekaterinburg: Akva-PRESS Publ., 2003, pp. 73–82. (in Russ.).

Serikov Yu. B. *Problemy arkhologii i drevney istorii Urala* [Problems of archaeology and ancient history of the Urals]. Nizhniy Tagil: NTGSPA Publ., 2005. 168 p. (in Russ.).

Shelepova Ye. V. *Teoreticheskie aspekty izucheniya pamyatnikov kulytovoy deyatel'nosti Altaya* [Theoretical aspects of studying of monuments of cult activity of Altai]. *Drevnie i sovremennyye kulytovye mesta Altaya* [Ancient and modern cult places of Altai]. Barnaul: OOO "Pechatnaya kompaniya ARTIKA" Publ., 2011, pp. 100–108. (in Russ.).

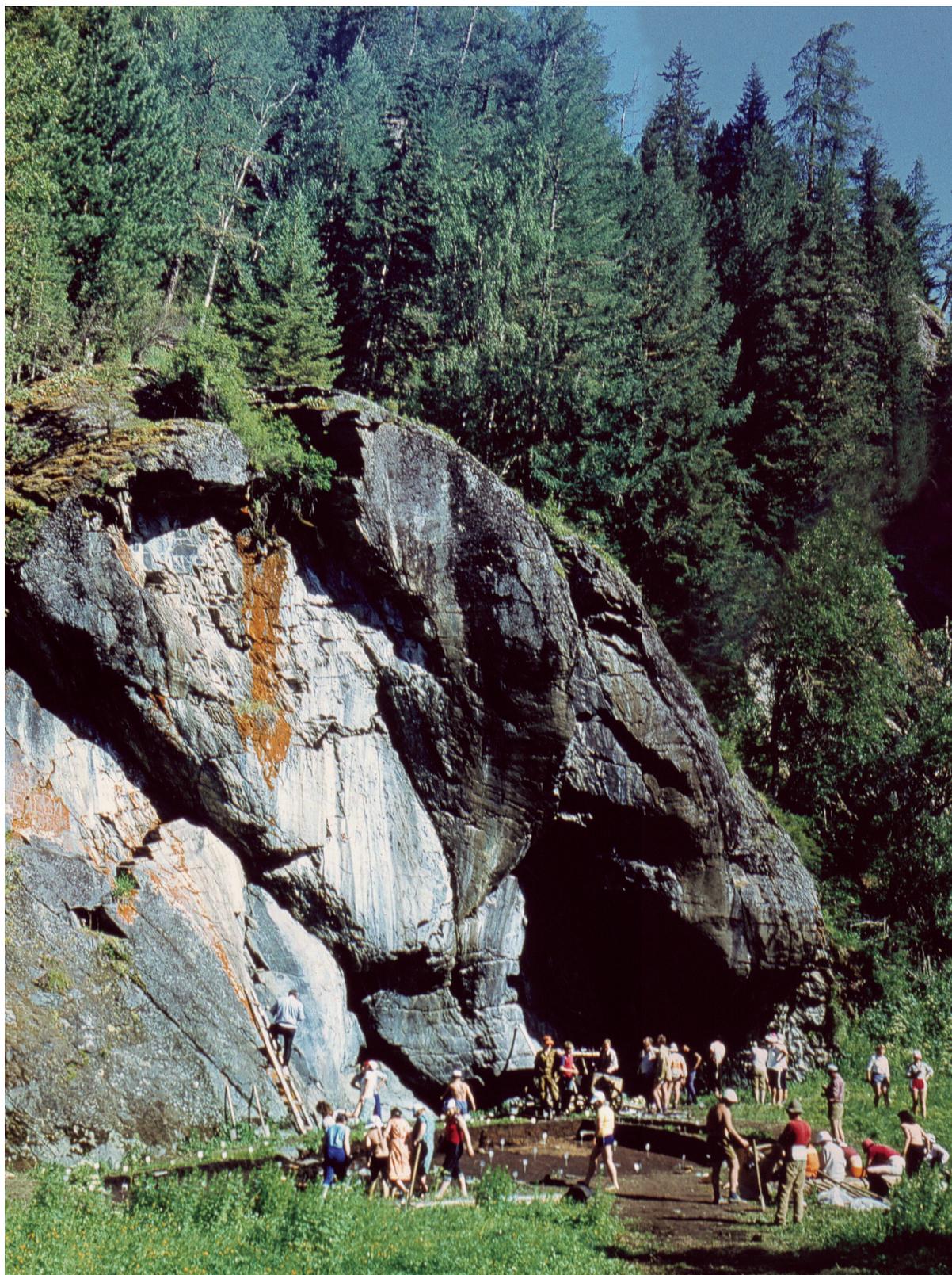
Taylor E. B. *Pervobytnaya kulytura* [Primitive culture]. Moscow: Politizdat Publ., 1989. 574 p. (in Russ.).

Tivanenko A. V. *Drevnie svyatilishcha Vostochnoy Sibiri v epokhu kamnya i bronzy* [Ancient sanctuaries of Eastern Siberia during an era of a stone and bronze]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989. 202 p. (in Russ.).

Tivanenko A. V. *Drevnie svyatilishcha Vostochnoy Sibiri v epokhu rannego srednevekovyya* [Ancient sanctuaries of Eastern Siberia during an era of the early Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994. 150 p. (in Russ.).

Toporov V. N. *O rituale. Vvedenie v problematiku* [About a ritual. Introduction to a perspective]. *Arkhaiskiy ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh* [Archaic ritual in folklore and early literary monuments]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 7–60. (in Russ.).

Trufanov A. Ya. *Zhertvennoye mesto Khutor Bor-1 (o kulyturno-khronologicheskom svoebrazii pamyatnikov epokhi pozdney bronzy lesnogo Priirtysheya)* [The sacrificial place the Farm of Bor-1 (about a cultural and chronological originality of monuments of an era of late bronze of forest Priirtysheya)]. *Etnokulyturnye protsessy v Zapadnoy Sibiri* [Ethnocultural processes in Western Siberia]. Tomsk: TGU Publ., 1983, pp. 63–76. (in Russ.).

Раскопки площадки перед гротом Куйлю (Кучерла-1).
Руководитель работ — В. И. Молодин, 1988–1990 гг.
(по кн: Молодин В. И., Ефремова Н. С. Грот Куйлю — культовый комплекс на реке Кучерле
(Горный Алтай). Новосибирск, 2010)